

УДК 316.2

DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.2

**УСЛОЖНЯЮЩАЯСЯ
ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИИ: ЭФФЕКТЫ
«СТРЕЛЫ ВРЕМЕНИ»**

**THE COMPLICATING
DYNAMICS OF THE RUSSIAN
SOCIOLOGY: THE EFFECTS
OF THE “ARROW OF TIME”**

Кравченко Сергей Александрович

Доктор философских наук, профессор,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации; главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Sergey A. Kravchenko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Chief Researcher
of the Institute of Sociology FNISTS RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Автор распространяет идеи «стрелы времени» о сложном саморазвитии неживой и живой материи, а также социума, обоснованные лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, на динамику научного знания вообще и социологического в особенности. Показывается, что под влиянием эффектов «стрелы времени» социология в России и мире развивается нелинейно и неравномерно, имеют место сложные взаимовлияния разных типов социологического знания. В историческом контексте это видно на примере взаимообогащения и противоборства таких течений, как западничество, славянофильство и евразийство, изначально возникших в российской социологии. Нелинейное развитие социологического знания в России стало проявляться в начале XX в., что выразилось в виде нарушений преемственности развития

The author spreads the ideas of the “arrow of time”, put forward by the Nobel Prize winner I.R. Prigogine on the complex self-development of the inanimate and living matter, as well as socium, on the dynamics of the scientific knowledge in general and sociological one in particular. It is shown that under the influence of the effects of the “arrow of time” the sociology in Russia and the world develops non-linearly and unevenly, there are complex reciprocal influences. In the historical context this can be seen in the example of mutual enrichment and confrontation of such trends as Occidentophillism, Slavophilism, and Euraziystvo that originally arose in the Russian sociology. The non-linear development of the sociological knowledge began to manifest itself in the

и искусственного отрицания всего «буржуазного» знания, чему противостояли малые миры российских и зарубежных ученых. Однако рельефно выраженная ускоряющаяся и усложняющаяся динамика российской социологии становится очевидной в конце XX в. и особенно в XXI столетии, что раскрывается на примерах нелинейного приращения знания на всемирных социологических конгрессах, во что внесли вклад и российские ученые. Особо отмечается, что с учетом негативных побочных эффектов «стрелы времени» российские социологи за последние годы немало сделали, чтобы возродить культурно обусловленную междисциплинарность научного знания, а в самом научном знании осуществить гуманистический поворот.

Ключевые слова: становление сложного социума; нелинейное развитие; побочные эффекты; динамика российской социологии; мировая социологическая мысль; всемирные социологические конгрессы; метаморфоза; цифровизация; цифровая власть; цифровое насилие; цифровая справедливость; гуманистический поворот.

early twentieth century which was expressed in the form of the violations of the continuity of the development and the artificial destruction of the “bourgeois” knowledge - that was opposed by the “small worlds” of Russian and foreign scientists. However, the clearly evident complicating dynamics of Russian sociology becomes at the end of the twentieth century and especially in the twenty-first century which is revealed by the examples of non-linear increasing knowledge at the world sociological congress to which the Russian scientists contributed. It is particularly noted that, taking into account the negative side-effects of the “arrow of time”, the Russian sociologists have done a lot in recent years to revive the culturally-based interdisciplinarity of the scientific knowledge, and to make a humanistic turn in the scientific knowledge itself.

Keywords: the becoming of the complex socium; non-linear development; side-effects; the dynamics of the Russian sociology; the world sociological thought; world sociological congresses; metamorphosis; digitalization; digital power; digital violence; digital justice; humanistic turn.

Постановка проблемы

Согласно постулату «стрелы времени», обоснованному лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеют место *саморазвитие материи* и *усложняющаяся динамика* социума. «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени, эволюционных ритмов возрастает», – пишут И. Пригожин и И. Стенгерс (Пригожин, 2000. С. 265). По нашему мнению, эффект «стрелы времени» следует распространить на развитие научного знания вообще, что подтверждается тенденциями ускоряющейся и усложняющейся динамики российской социологии (Кравченко, 2014. С. 110–124).

Анализ динамики российской социологии в контексте развития мировой социологической мысли

Социологическая наука в виде позитивистской парадигмы возникла на Западе, что явилось фактором существенных изменений в интеллектуальной жизни России – социология концентрировала в себе передовое социальное знание, *отвечающее потребностям и России, и всего человечества*. По мере становления социологического знания в общественном сознании *формировалось критическое мышление* со своей, российской спецификой: в противоположность западному прагматизму возникли идеи, как лечить болезни зарождающегося капитализма и утвердить практики социальной справедливости, добра и гуманизма. При этом возникло *взаимное обогащение* идеями отечественных и зарубежных обществоведов, равно как и их *противоборство*. Если западные ученые акцент делали на формальной рационализации, прагматизации общественной жизни, то российские социологи свою задачу видели в выявлении ценностных связей и отношений между явлениями, решая тем самым вопросы изучения *динамики функциональности* институтов общества, социальных слоев и групп, их взаимодействия и борьбы. Они сосредоточивали усилия на исследованиях общих вопросов исторической преемственности и судеб мировой цивилизации, места России в ней. И, пожалуй, главное: в противоположность западной идее прогресса, понимаемой в значительной степени как рост прибыли и потребления материальных благ, они пытались обосновать во многом свои факторы прогресса, адекватные особенностям российской цивилизации, среди которых – духовность, социальное счастье, взаимная помощь, гармоничное умственное и физическое развитие человека, сама возможность цивилизационного многообразия.

Изначально сложная динамика российской социологии проявилась в том, что за сравнительно короткий период времени в стране сформировалось большое количество социологических направлений и школ, представители которых полагались не только на разные предметные сферы, но и, по существу, на разные типы мышления, идейные и политические ориентации. Так, можно выделить следующие противоборствующие течения: *западничество* (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, Г.В. Плеханов), *славянофильство* (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), *евразийство* (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин). Однако всех их представителей объединяла приверженность к разработке самостоятельно значимого теоретико-методологического инструментария, включавшего в себя идеи гуманизма, социального благополучия,

добра. Приведем лишь три примера. М.М. Ковалевский предложил многофакторный подход к анализу общества, обосновал возможность теоретического синтеза разных социологий, выдвинул концепцию общественной солидарности в виде «*социальной замиренности*». Её квинтэссенция в том, что степень прогресса социума или этноса измеряется тем, насколько общественные отношения, свойственные им, исключают вражду, т.е. насколько в них утвердились мир и социальная гармония. Ученый предлагал использовать критерий замиренности и для оценки развития человеческой цивилизации в целом. П.А. Сорокин обосновал фундаментальную теорию социальной и культурной динамики, раскрыл природу кризисов человеческой цивилизации, В.И. Ленин – теорию империализма, которая нами в силу идейных пертурбаций либерального толка была незаслуженно забытой. Заметим, её основополагающие положения задействовал И. Валлерстайн, президент Международной социологической ассоциации (1994–1998), при создании своей теории мировых систем, получивший высшую награду за вклад в развитие мировой социологии на XVIII Всемирном социологическом конгрессе.

Эффекты «стрелы времени» *исключают линейное развитие знания*. Революции в России в начале XX в. привели не только к радикальным поворотам в социальном укладе и экономике, но и к разломам, культурным травмам в научной жизни страны. Были ликвидированы антимарксистские и буржуазные школы – возник разрыв в преемственности целого ряда научных традиций. В результате российские обществоведы, по существу, оказались в ином темпомире по сравнению со своими зарубежными коллегами. Это был закрытый для научных контактов мир с установлением многочисленных табу на инновационные научные изыскания, особенно в социальной сфере, результатом чего в обществоведении утвердилось *единообразное теоретизирование* в рамках марксизма-ленинизма. Социология, основанная на критическом мышлении, предполагавшая *естественное противоборство альтернативных подходов* к анализу общества, как раз подпадала под эти табу. Отсюда пошли соответствующие ее оценки как «лженауки» или «буржуазной науки».

Эффекты «стрелы времени» предполагают *нелинейность развития* научного знания, но не *отрицание* и *исчезновение* его вообще, что также касается типа мышления, на котором оно основывается. Сказанное означает, что *критическое свободомыслие* не исчезло из сознания российских обществоведов. Но обстоятельства развернувшейся идеологической борьбы с антикоммунизмом и особенно «ревизионизмом»

марксизма-ленинизма необходимо учитывать при оценке реальных возможностей деятельности тех, кто способствовал возрождению социологической теоретической мысли в России в конце 50-х – начале 60-х гг. Их роль, по нашему убеждению, необходимо оценивать по тому, что ими сделано для приобщения к достижениям мировой социологической мысли, а также создания собственных теоретических подходов и диагностического инструментария, отвечающих признанным мировым стандартам социологической науки, а не по тому, что не было осуществлено по отмеченным историческим обстоятельствам.

Одним из важнейших компонентов «стрелы времени» научного знания является сеть «малого мира» ученых, в которой достижения представителей конкретных научных школ частично покрывают друг друга и соединяются через *слабые связи* с другими научными сообществами, включая как российских, так и зарубежных партнеров. По Дж. Урри, суммарная ценность «малого мира» зависит не столько от арифметического числа включенных в него представителей, сколько от увеличения *пространства*, в котором задействовано определенное число его членов. При этом «сети могут производить огромные нелинейные увеличения в производительности» (Urry, 2003. P. 53). Такие сети «малого мира» ученых стали появляться в контексте либеральных хрущевских преобразований, и они способствовали *нелинейному возрождению* социологической мысли, которая стала охватывать пространство не только столичных научных центров, но и регионов страны. Разумеется, этот процесс не мог начаться без контактов с зарубежными социологами, чьи достижения в создании неклассических теорий второго и третьего поколений, предполагавших новые типы социологического мышления и воображения, были очевидными (Кравченко, 2009. С. 14–24). Конкретным примером становления сети «малого мира» ученых стало участие советских обществоведов в работе Всемирного социологического конгресса, состоявшегося в 1956 г.

Другим примером сети «малого мира» ученых стали взаимодействия российских и зарубежных ученых на базе МГИМО-Университета. Закрытая, действительно малая сетевая организация ученых фактически оказала *пространственное влияние* на возрождение социологии в стране. В то время ректор МГИМО академик Г.П. Францов, крупнейший исследователь мировой социальной мысли (Францов, 1969), собрал вокруг себя группу энтузиастов, проявивших интерес к западной социальной теории и сконцентрировавшихся на разработке проблем теоретической социологии. Среди них – будущие академики Г.А. Арбатов и Г.В. Осипов, способствовавшие

институализации социологической науки, в частности созданию Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР. Кроме них, в эту сеть «малого мира» ученых входили выдающиеся обществоведы своего времени: Э.А. Араб-оглы, Э.А. Баграмов, Ю.А. Замошкин, Ю.Н. Семенов, В.С. Семенов, Г.Л. Епископосов, Д.В. Ермоленко, Г.К. Ашин, И.В. Бестужев-Лада, Д.М. Гвишиани и др. В 60–70-е гг. ими были опубликованы работы на высоком теоретико-методологическом уровне с обоснованием собственных концептуальных подходов по социологическим проблемам прогнозирования (Араб-оглы, 1973; Бестужев-Лада, 1984), роли социальной науки в управлении общественными процессами (Гвишиани, 1972). Д.В. Ермоленко и Ю.А. Замошкин оказали большое влияние на развитие теоретических основ социологии международных отношений. Их теоретические подходы к интерпретации современного общества во многом различались: если Д.В. Ермоленко анализировал кризисные международные ситуации через призму макрополитики (баланс сил, построение системы договоренностей и противовесов) (Ермоленко, 1977), то Ю.А. Замошкин шел от личности, сложных коллизий, возникающих в сознании человека под влиянием начавшегося массового производства и потребления материальных и духовных ценностей (Замошкин, 1966). Предложенный им подход сегодня принято относить к *деятельностным социологическим теориям*, в чем наши социологи во многом были пионерами. Среди авторов работ, в которых индивид трактуется не как объект политики или управления, а прежде всего как *актор*, активно действующий индивид, способный влиять на социальные реалии, преобразовывая их, отметим И.С. Кона (исследование социальных ролей личности, сексуального поведения) (Кон, 1967), А.Г. Здравомыслова (интересы человека) (Здравомыслов, 1986), В.А. Ядова (личностные диспозиции разного уровня) (Ядов, 1976).

Эффекты «стрелы времени» в динамике социологического знания проявились и в сложных конфигурациях сочетания новаций, казалось бы, с несочетаемыми устаревшими догматами и воззрениями. Так, в период выхода из научной изоляции, сохраняющего доминирование в общественном сознании «универсальных истин» марксизма-ленинизма, западные социологические теории зачастую приходили в нашу науку с помощью такой формы, как их *конструктивная критика*: в научных изданиях уживались достижения западных ученых с характерным дискурсом тех лет. Но этот парадоксальный гибрид сочетания несочетаемого по существу открывал путь включения российской социологии в мировое научное сообщество: перу Г.В. Осипова (Оси-

пов, 1964), Л.Г. Ионина (Ионин, 1979), Ю.Н. Давыдова (Давыдов, 1977) принадлежит ряд неординарных исследований «буржуазной» теоретической социологии. Разумеется, этот парадоксальный гибрид мог существовать лишь в латентных формах – явное признание достижений западной социологии категорически не допускалось. Ю.А. Левада издал «Лекции по социологии» (Левада, 1969), в которых были представлены две парадигмы теоретической социологии – марксистская и структурно-функционалистская Т. Парсонса. С позиций «единственно верной» методологии марксизма-ленинизма они были подвергнуты сокрушительной критике, что является конкретным свидетельством того, в какой сложной атмосфере шел процесс возрождения социологической теоретической мысли в стране. И все же он набирал обороты, приобретая поступательный и необратимый характер. В 1974 г. начал выходить журнал «Социологические исследования», главным редактором которого по 1986 г. был А.Г. Харчев, отводивший весьма важное место статьям по теоретической социологии зарубежных авторов. Примечательно, что благодаря эффектам «стрелы времени» и, конечно, самим творчески мыслящим ученым стали появляться интересные «переоткрытия» прежнего знания. В частности, в 1986 г. вышла в свет работа Н.И. Лапина «Молодой Маркс», позволившая читателю познакомиться с другим Марксом, с иными теоретическими подходами к исследованию человека, общества, общественного сознания, чем те, которые ранее представлялись в марксизме-ленинизме (Лапин, 1986).

В конце XX в. сложная динамика отечественной социологической мысли выразилась в следующих тенденциях, находящихся в целом в русле развития мировой социологии. Усилиями А.О. Бороноева, А.И. Голосенко, А.Г. Здравомыслова, В.В. Козловского, Е.И. Кукушкиной, В.П. Култыгина, А.Н. Медушевского, С.С. Новиковой и др. произошло «переоткрытие» русской теоретической социологии. Ее достижения, особенно гуманизм и социальная направленность теорий, имеют непреходящее значение для понимания самобытных черт нашего общества, особенностей ментальности россиян, что крайне важно учесть и сегодня при исследовании современной России. Произошло возрождение интереса к теоретической социологии П.А. Сорокина в нашей стране и мире – известный американский социолог Э.А. Тирьякян предложил воистину инновационный подход «осовременивания» жизни и творчества своего учителя (Tiryakian, 2013). Российские социологи получили возможность напрямую познакомиться с основополагающими работами классиков мировой социологии. Перевод трудов

Э. Дюркгейма в новой уточненной редакции был сделан А.Б. Гофманом. Целый ряд социологов, среди которых С.П. Баньковская, Я.М. Бергер, П.П. Гайдено, Ю.Н. Давыдов, М.И. Левина, С.Я. Левит, А.Ф. Филиппов, подготовили публикации М. Вебера. Отдельным изданием были опубликованы собственно социологические работы К. Маркса, чему особенно способствовал Ю.Н. Давыдов. Круг выдающихся мировых социологов-теоретиков, с которыми российский читатель может познакомиться, постоянно расширяется. Назовем лишь некоторые имена: Т. Адорно, З. Бауман, У. Бек, П. Бергер, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, И. Гофман, Г. Дебор, Ж. Деррида, Д. Кола, Дж.С. Коулмен, Ж.Ф. Лиотар, Т. Лукман, Н. Луман, К. Манхейм, Г. Маркузе, Р. Мертон, Ч.Р. Миллс, Т. Парсонс, Дж. Ритцер, Г. Спенсер, Л. Тевено, А. Турен, З. Фрейд, Э. Фромм, М. Фуко, Ю. Хабермас, А. Шюц и др. Осуществляется публикация научной справочной литературы по теоретической социологии как российских (Современная западная социология, 1990; Социологический энциклопедический словарь ... , 1998), так и зарубежных авторов (Джери, 1999). Теоретическая социология пришла в вузы, стала доступной для студентов, аспирантов, всех интересующихся проблемами современного общества, чему способствовало *легитимное* появление учебников по социологии для вузов, которые составили конкуренцию переводным аналогам зарубежных авторов, делавших акцент исключительно на анализе социально-культурных реалий Запада. Российскими же учеными была решена задача анализа культурного многообразия и оптимального учета как отечественных, так и зарубежных достижений в социологии. Этому требованию соответствовали учебники для студентов вузов Г.В. Осипова, Ж.Т. Тощенко, А.В. Дмитриева, Ю.Г. Волкова, В.Н. Нечипуренко, А.Г. Эфендиева, С.С. Фролова, В.А. Ядова, С.А. Кравченко. Ценно и то, что передовая социологическая мысль перестала ассоциироваться исключительно с западной социологией. Благодаря усилиям З.Т. Голенковой и Н.П. Нарбута российские студенты смогли познакомиться с оригинальными теориями и концепциями, созданными социологами Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехии, Словакии и Югославии (Голенкова, 2003). В порядке самокритики отметим, что не было обращено должного внимания на теоретические наработки, созданные социологами Востока и Юга, с которыми отечественные социологи до сих пор мало знакомы. Вместе с тем в отечественной теоретической социологии утверждается методологический плюрализм, что находится в русле развития современной мировой социологии. Это, в частности,

выражается в использовании полипарадигмального подхода, который не только предполагает возможность наведения мостов, соединяющих всевозможные расколы социологии (Кравченко, 2015), но и позволяет осуществлять оригинальные синтезы социального, естественно-научного и гуманитарного знания. В результате социологи могут активно взаимодействовать не только с родственными социальными науками, но и науками гуманитарными и естественными, у которых заимствуется концептуальный аппарат (разумеется, в дальнейшем он наполняется собственно социологическим содержанием), что повышает доверие к знанию в условиях увеличивающихся неопределенностей (Доверие к знанию ... , 2018).

Исследование новой сложной динамики мировой и российской социологии

XXI в. под влиянием факторов «стрелы времени» ознаменовался резким усложнением социоприродной реальности, что нашло отражение в становлении *новой сложной динамики* мировой и российской социологии, чему была специально посвящена VIII Европейская социологическая ассоциация (Кравченко, 2008. С. 3–9). Материалы же всемирных социологических конгрессов стали своеобразными вехами в *качественном* и во многом *нелинейном* развитии мировой социологической мысли.

На XV Всемирном социологическом конгрессе (Австралия, Брисбан, 2002) стало очевидным, что развитие социологии перешло в фазу увеличения *разнообразных теоретико-методологических подходов* к исследованию общества – в выступлениях участников отсутствовала приверженность одной универсальной или даже доминирующей социологической парадигме. Практически были прекращены попытки создания универсальной, всеобъемлющей социологической теории (в духе теорий Э. Дюркгейма, К. Маркса, П. Сорокина, Т. Парсонса или какой-либо постмодернистской парадигмы), которая бы давала ответы на все или хотя бы на большинство вызовов социологическому знанию. По существу, пошло формирование *интегральных принципов* обоснования и построения социологических теорий. Показательны в этом плане прошедшие сессии: «Может ли быть постмодернистский универсализм?»; «Теории для чего, чего, для кого?»; «Новые философии социальной науки»; «Аналогии с другими науками». Представляется, что в целом динамика российской социологии вошла в интерфейс с развитием мировой социологии. В частности, это выразилось в том, что российская делегация отказалась от прежней идейно-политической

заорганизованности, традиционной приверженности «единственно верному» марксистскому теоретико-методологическому инструментарию – каждый участник выступал от себя лично, с обоснованием разных подходов, а ряд ученых отстаивали приверженность *междисциплинарным исследованиям*. Новацией конгресса стала организация сессий, представлявших конкретные языковые сообщества, что, на наш взгляд, с одной стороны, уменьшило доминирование Американской социологической ассоциации при всех достижениях её представителей, которые вошли в социологические учебники всех стран, а с другой – стало возможным проведение русскоязычного форума. Вот лишь некоторые из выступлений, на которые обратили внимание зарубежные партнеры: «О динамике и устойчивости ценностных ориентаций в современной России» (М. Горшков); «Парадоксальность как характеристика транзитивного периода в России» (Ж. Тощенко); «Социальная стратификация современного российского общества: поиски подходов к изучению» (З. Голенкова); «Противоположные образы как источник самоидентификаций» (А. Здравомыслов); «Играизация общества (к обоснованию новой социологической парадигмы)» (С. Кравченко); «Роль поколений в процессе глобализации современной России» (Н. Покровский); «Социологические проблемы реформы образования» (А. Филиппов); «Преобразования российского общества: вызовы социологической науке» (А. Эфендиев) и др. Прошла также *сессия Российского общества социологов* (координатор В. Мансуров), на которой выступили Ж. Тощенко, Д. Константиновский, С. Кравченко, С. Курдина и др. Заметим, она проходила на английском языке, что потенциально создавало предпосылки обращения внимания ведущих зарубежных ученых к выступлениям российских социологов. По существу, это были первые реальные и достаточно эффективные попытки создания новой сети «малого мира» российских и зарубежных ученых, позволившие включить достижения российской социологии в контекст мировой социологической мысли. Разумеется, шло и обратное обогащение российской социологии теоретическими новациями, связанными с *усложнением структуры знания и исследований*. Так, появились новые комитеты и исследовательские направления – «социокибернетика», «социология профессиональных групп», «социология детства», «тело в социальных науках», «социология локально-глобальных отношений», «социология холокоста», «социальный надзор в информационных обществах» и др., которые впоследствии стали активно разрабатываться российскими социологами.

XVI Всемирный социологический конгресс (ЮАР, Дурбан, 2006) констатировал *усложнение социокультурной динамики современного социума*, формы которого в значительной степени под влиянием эффектов «стрелы времени» стали развиваться *нелинейно, с разными скоростями и ритмами*, что нашло отражение в социологическом теоретизировании. Так, первая президентская сессия была ознаменована дискуссией на тему «Разнообразие социального существования в глобализирующемся мире». Соответственно, пошел *сложный процесс интернационализации и полицентричности социологии*. Доминирование американской и европейской социологий, несомненно, сохранялось, однако и в других регионах мира, включая Россию, появились и стали весьма активно развиваться социологические школы и направления, становящиеся *новыми весьма значимыми социологическими центрами*, производившие инновационное социологическое знание. Они, естественно, не признавали евроцентризм и во многом преуспели в создании *своего теоретико-методологического инструментария*, подчеркнем, *инновационного рефлексивного типа*, который, разумеется, основывался на общепризнанных международных научных стандартах. Особо отметим некоторые доклады, связанные со становлением *рефлексивной социологии*: «Совмещение позиций Арчер и Бурдье в эмерджентистской теории действия»; «Изучение человеческой рефлексивности: суждение с позиций междисциплинарных подходов»; «Теория рефлексивности второго порядка»; «Структурация в противовес личной рефлексивности позднего модерна?»; «Комплексный поворот в социальных науках»; «Усложнение теории: постмодернистская парадигма для социологии?» Заметим, рефлексивная социология – это не только новации в теории, но и значимый *актор* преобразования социума. Так, вторая президентская сессия открылась дискуссией на весьма важную тему об *активной роли социологии в преобразовании и гуманизации общества*. В центре внимания ученых была проблема *человека в обществе и общества в человеке*, которая обрела новое содержание. Вот некоторые доклады: «Новые теоретические моменты: вызов “постчеловека”»; «Старение тел и социологическое теоретизирование»; «Генеалогический анализ вопроса “современности”». Под натиском рефлексивных концепций *логоцентризм стал сдавать свои позиции*, свидетельством чему явились критика линейного детерминизма, новые подходы к анализу причинности в социальной жизни, а также разработки нелинейной динамики в конкретных сферах жизнедеятельности. Все эти новации в той или иной степени сказались на векторе развития российской социологии, предметное поле которой

значительно расширилось и усложнилось. Конгресс дал стимул движению к превращению России в один из центров мировой социологии, в ведущего игрока на мировой социологической арене. На мировом рынке социологической продукции стала формироваться наша уникальная ниша: теория спонтанной трансформации (Т.И. Заславская), современная российская идентичность (М.К. Горшков), теории парадоксального человека и кентавризма (Ж.Т. Тощенко), социология юмора (А.В. Дмитриев), социология шанса на достойную и безопасную жизнь (Р.Г. Яновский), концепция «гло-локал-анклавизации» (В.А. Ядов), социология риска (О.Н. Яницкий), концепция современного гуманизма (Ю.Г. Волков), подходы к анализу нелинейной динамики социума и социального знания (С.А. Кравченко). Однако между реальной возможностью представлять наши достижения и действительностью находится *организационное звено*, которое до сих пор не функционирует должным образом – необходимо налаживать формальное и неформальное сотрудничество с международными издательствами социальной литературы, такими как Blackwell Publishers, Sage Publication Ltd., Routledge и др. Полагаем, вкладом в это организационное звено мог бы стать регулярный (раз в квартал или полугодие) выпуск специальных номеров «Социс» в виде, скажем, «Интерсоциса», которые бы включали в себя переводы лучших ранее опубликованных статей с адаптацией их для зарубежного читателя.

Девиз XVII Всемирного конгресса социологии (Швеция, Гетеборг, 2010) – «Социология в движении» – определяет современное состояние науки как *весьма динамичное*. За этим стоит то, что под влиянием эффектов «стрелы времени» социология начала движение к динамичному сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов, в котором практически невозможно выделить главенствующую теорию, своего рода методологический центр, задающий характер и направление развития мировой социологической мысли. Нет и очевидно лидирующей темы исследования. На наш взгляд, данная трансформация социологического теоретизирования обусловлена не столько *ускоряющейся*, сколько *усложняющейся* динамикой социума, который обретает такие новые качества, как нелинейность, саморазвитие, рефлексивность, диверсификация социального пространства и времени. Примечательна одна из пленарных тем – «Один или много модернов: вызовы социологии». На новые усложняющиеся реалии социума социологическое сообщество отреагировало качественным увеличением *сетевого взаимодействия* ученых, созданием и развитием новых «малых миров» социологов и представителей других наук. *Российская*

проблематика была представлена 54 докладами, что почти в два раза больше по сравнению с прошлым конгрессом (31 доклад). Позитивным дополнением к этому стал информационный диск «Российская социология в движении», изданный под эгидой Российского общества социологов. Тематика докладов российских ученых была крайне разнообразной, что, думается, позволило зарубежным коллегам сделать принципиально важные выводы в отношении характера российской социологической диагностики этих процессов. И все же, полагаем, нужно сделать многое для роста авторитета российской социологии. В частности, можно начать с *сетевой консолидации интеллектуальных сил* из стран, которые близки нам по решению социально-экономических и культурных проблем и исторически. Речь, прежде всего, идет о расширении формальных и неформальных связей ученых из ближнего зарубежья, чему способствует журнал «Социс» – это не только публикации научных статей и материалов, но и приглашения на Харчевские чтения, конференции, просто социологические дискуссии. Нам импонирует идея «социологического БРИКС» в виде роста сетевого взаимодействия социологов из Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР. Этому могли бы способствовать *невидимые колледжи* – обычно данное понятие обозначает сравнительно небольшую группу ученых, объединенных общей идентификацией с конкретной теоретической ориентацией, однако в противоположность *научной школе* они непосредственно контактируют друг с другом или с помощью медийных технологий (Crane, 1969; Ritzer, 2001). Представители невидимого колледжа на своем локально-предметном научном поле вносят подчас *нелинейный вклад* в развитие социологического знания. В условиях становления сложного социума локальная проблематика имеет тенденцию выходить за границы локала, иногда обретая глобальную значимость. Итоги конгресса позволяют сделать следующие обобщения: 1) традиционный, линейный подход к старению социального знания более не работает – *ускорение* и особенно *усложнение* социума побуждают ученых к постоянному «*переоткрытию*», казалось бы, исторически исчерпавших себя идей; 2) социальное знание переходит из исторически-контекстуального во «*вневременное время*» существования, в новую доминирующую ныне рефлексивную темпоральность, адекватную сетевому социуму, – М. Кастельс использует понятие «вневременное время» для обозначения возможности «*избавления от контекстов своего существования... порождения систематической пертурбации в порядке следования явлений, совершаемых в том контексте*» (Castells, 2010. P. 464). Так знание, добытое выдающимися учеными

прошлого, выходит из своего контекста и становится *современным*; 3) начался активный *процесс сетевого взаимодействия социологов с представителями других социальных, гуманитарных и естественных наук*. Конкретно он проявляется в том, что осуществляется интегральное использование каналов познания как социологии, так и других социальных и гуманитарных наук, а также наук естественных, у которых есть общие проблемы. На конгрессе диалогу социологии с другими науками было уделено особое место. Была организована специальная сессия «К диалогу между учеными». Вместе с тем возникли *латентные вызовы* новой форме сотрудничества: границы теоретико-методологического инструментария становятся все более дисперсионными, «текучими». На смену относительно долгоживущих категорий приходят понятия, имеющие краткосрочное, диффузное содержание, которые вносят реальные трудности в их понимание. Это, полагаем, вполне реальные вызовы для мировой и российской социологии, преодоление которых нами видится в систематизации и классификации новейшей социологической лексики (Словарь новейшей социологической лексики, 2018). Также латентным вызовом сетевой форме сотрудничества социологов стала формирующаяся *культура многообразия социологического мышления и социологического воображения*. На наш взгляд, нужно к этому адаптироваться и научиться функционировать в научных сетях, где *сосуществуют разные типы мышления*. В одном социологическом поле находятся ученые, имеющие приверженность к *разным* социологическим теориям и метапарадигмам. Полагаем, российские социологи сделали важные шаги к учету этих эффектов «стрелы времени» (Кравченко, 2011), что реально способствует взаимодействию российских и зарубежных ученых.

«Сталкиваясь с неравным миром: вызовы глобальной социологии» – таков девиз *XVIII Всемирного социологического конгресса* (Япония, Йокогама, 2014). Форум констатировал появление *новых глобальных неравенств*, которые, несомненно, возникли под влиянием эффектов «стрелы времени». Среди них особо отметим новые неравенства *сложного типа*: 1) *человечество в целом обретает облик неравного и несправедливого мира*. Не просто *количественно увеличивается разрыв* в доходах между богатыми и бедными, который, по П.А. Сорокину, флуктуирует в культурном и временном контексте (Сорокин, 2000), а *качественно ухудшаются жизненные шансы*, стили жизни миллионов людей планеты, что происходит на фоне величайших достижений науки и техники, развития информационных технологий; 2) *неравенство между возможностями и влиянием глобальной по су-*

шеству западной культуры и национальными культурами. При всех объединяющих человечество достоинствах глобальной культуры в ней есть существенные побочные эффекты, подрывающие или умалачивающие ценности локальных культур (обучение студентов в национальных университетах; через Интернет, минуя национальные культурные барьеры, в страны проникают чуждые идеи, образы – детская порнография, культура насилия и т.д.); 3) *неравенства, обусловленные динамикой распределения рисков*. Специальную сессию на эту тему провел У. Бек, автор теорий *общества риска и мирового общества риска*, который перед многочисленными слушателями показал свое видение процессов усложнения рисков и их «ненамеренные побочные последствия». Социолог считает, что необходимо «переоткрыть социальное неравенство в глобализирующемся мире», ибо ныне «мы все оказываемся в одной лодке», классовые и статусные различия теряют смысл, что им обозначается как *новое социальное неравенство* (Бек, 2007); 4) *неравенства по отношению к уязвимостям*, которые носят рукотворный характер. Американский социолог Ч. Перроу считает, что вероятность современных катастроф выше там, где сложные технологические системы соседствуют с социально-экономической депривацией (Perrow, 2011; Сорокин, 2000); 5) *новые неравенства между Севером и Югом в виде уязвимостей межцивилизационного взаимодействия*. Э.А. Тирикьян в докладе отметил, что в *глобальную эру* взаимодействие цивилизаций обретает все большую сложность, на что еще накладываются проблемы их отношений с природной средой; 6) *неравенства инвайронментального характера*. Эти новые неравенства обусловлены изменением статуса природы, которая обретает *социальный* характер; 7) *неравенства по отношению к экологически дружественной еде*. Ныне проблемы экологически чистой, здоровой еды стали вызовом практически для каждого человека. Сегодня они обрели *глобальный характер*, выступают важнейшим компонентом гео- и биополитики. Север имеет тенденцию устанавливать стандарты, которым Юг должен следовать, что объективно ущемляет национальное производство. Но главное – традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «рациональными» и «эффективными» генно-модифицированными культурами; 8) *неравенства в формирующихся гражданских обществах*. С докладом на тему «Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики» выступил М.К. Горшков, проанализировавший возникновение новых демократических ценностей, отношение к которым разделило общество, породив при этом новые неравен-

ства. Отмеченные сложные неравенства нынешнего мира, конечно, явились вызовом как для мировой, так и для российской социологии, их ещё предстоит диагностировать в локально-культурном контексте и выработать предложения по минимизации неравенств. Полагаем, для этого нужна *инновационная социология нового типа*, интегрально объединяющая достижения всех социологий, включая знание, произведенное российскими учеными. Примечательно, в «Посланиях миру», подготовленных Японским консорциумом социологических обществ, говорится, что ныне востребована «глобальная, наднациональная социология» (Messages to the World, 2014).

XIX Всемирный социологический конгресс (Канада, Торонто, 2018) был посвящен анализу новых реалий власти, насилия и справедливости. Одним из главных факторов становления этих сложных реалий, по мнению ряда известных канадских социологов, стал ныне происходящий переход от постиндустриального к *цифровому обществу*. При всех явных достижениях процессов цифровизации социума и экономики они латентно становятся главными факторами *метаморфоз*, радикально преобразовывающих не только реалии власти, насилия и справедливости, но, по существу, все сферы жизнедеятельности людей. Под новыми *усложняющимися метаморфозами* мы понимаем *необратимые радикальные изменения*, обусловленные эффектами «стрелы времени», предполагающие качественное усложнение природных и социальных реалий, связанное с изменением их структур и функций (Кравченко, 2017. С. 3–14). По мнению канадских социологов У.Х. Вандербурга и В. Моско, новые социоприродные сложности столь велики, что для их интерпретации возникла востребованность перехода *всех наук*, включая социологию, на *новый тренд развития*, суть которого ими видится в формировании *трансдисциплинарных предметных полей с культурным стержнем*. Отметим новые реалии власти, насилия и справедливости, которые в значительной степени вызваны метаморфозами. Заметим при этом, что У. Бек считает метаморфозы главными факторами современных катаклизмов и турбулентностей (Beck, 2016): 1) происходит *метаморфоза социальной власти в цифровую власть* – под влиянием цифровизации из власти выхолащивается собственно социальный и культурный контекст. По мнению У.Х. Вандербурга, сегодня требуется «переоткрытие» подходов к интерпретации власти с учетом её обусловленности цифровизацией научного знания и технологий, чтобы утвердился «более жизненный и устойчивый мир» (Vanderburg, 2016. P. 23–25; Beck, 2007); 2) имеет место *метаморфоза социального насилия в цифровое насилие*.

Как считает В. Моско, цифровое насилие способствует утверждению невиданного ранее типа *тотального надзора*. Возникла система, которую он назвал *надзорным капитализмом* (Mosco, 2017. P. 161); 3) распространение получает *метаморфоза культурно обусловленной справедливости в цифровую несправедливость*. Исторически справедливость развивалась в культурно-локальном контексте, её суть определялась характером взаимодействия людей, их пониманием ценностей. Однако ныне в представления о добре и зле, справедливости и несправедливости включаются технологические, экономические и цифровые факторы, игнорирующие их собственно культурную, ценностную составляющую. Полагаем, XIX Всемирный социологический конгресс даст импульс для создания новых подходов к пониманию современных реалий власти, насилия и справедливости, вклад в разработку которых внесут и российские социологи.

Обоснование полученных результатов

Вышесказанное позволяет сделать следующий обобщающий вывод. Эффекты «стрелы времени» формируют *нелинейные, неравномерные, усложняющиеся* тренды развития как мировой, так и российской социологии. Практически ни одна национальная социология не может поспеть в полной мере за происходящими радикальными социально-природными преобразованиями, предложив их адекватный и валидный анализ, предполагающий постоянное «переоткрытие» социальной реальности и формирование инновационного, междисциплинарного знания (Кравченко, 2014). Нелинейное и неравномерное развитие социологического знания становится особенно рельефно выраженным в интерпретации новых сложных вызовов. В российской социологии можно выделить сферы, в которых наши достижения находятся на уровне или даже превосходят мировые стандарты. Отметим некоторые из них. Так, академик РАН М.К. Горшков является создателем *уникального теоретико-методологического инструментария социологической диагностики*, нацеленной как на анализ современных сложностей, так и на выработку рекомендаций по повышению эффективности государственного управления на нынешнем этапе развития страны. Его диагностика выделяет как базисные, так и ситуативные факторы, определяющие, с одной стороны, уникальную устойчивость ментально-ценностных характеристик россиян, а с другой – вектор и параметры динамики социокультурного развития. Диагностика также учитывает конкретные возможности задействования всех ресурсов общества, его экономического, духовного, нравственного, социокультурного и пси-

хологического потенциала в моделях ускоренного развития страны до 2030 г. (Горшков, 2016. С. 9), что позволяет не только оценивать нынешнее состояние России, но и прогнозировать её будущее.

Ж.Т. Тощенко ещё в первом десятилетии XXI в. указал на актуальность проблемы нового прочтения труда (Тощенко, 2005, 2008). Сегодня эти идеи получили качественное развитие в теориях становления *прекариата* как нового класса и «общества травмы» (Тощенко, 2018). Со своей стороны, мы раскрыли новые проявления сложной несправедливости в виде «нормальной аномии», производящей социальное ничто, возникновение чего в значительной степени обусловлено сциентизмом, формальным рационализмом, меркантилизмом (Кравченко, 2015. С. 17–33; «Нормальная аномия» ... , 2017).

О.Н. Яницкий ратует за «переоткрытие» *сущности социально-природной реальности* и, соответственно, переориентацию предметной сферы социологии на проблематику ненамеренных последствий воздействия науки и техники на человека, общество, биосферу и, более конкретно, на градостроительство (Яницкий, 2018).

Заключение и перспективы дальнейшего развития российской социологии

Вместе с тем есть сферы, в исследовании сложностей которых лишь сделаны первые шаги, хотя и весьма существенные, – они нуждаются в особом внимании российских социологов. Отметим семь из них, на наш взгляд, наиболее значимых: 1. Крайне важно ответить на вызовы сциентизма, формального рационализма, меркантилизма, перейдя от постулатов гуманизма эпохи Просвещения, ставших нефункциональными и подчас дисфункциональными, к *современному типу гуманизма*, адекватного усложняющимся социоприродным реалиям. Западными учеными приняты усилия по обоснованию «постгуманизма» и «постчеловека» (Braidotti, 2015), которые, однако, вряд ли адекватно отражают особенности российской цивилизации. Ю.Г. Волков предложил наше, иное видение развития гуманистических трендов (Волков, 2016). Со своей стороны, мы обосновали концепцию *гуманистического поворота* (Гуманистический поворот ... , 2018). Это лишь начало исследований этой проблематики. 2. Несомненным вызовом социологическому знанию стал «новый катастрофизм», одним из проявлений которого являются «текущие» катастрофы в виде увеличения мертвой почвы и мертвой воды (Кравченко, 2017). Типы новых катастроф множатся – они нуждаются в изучении. 3. Полагаем, социологи лишь приступили к исследованию негативных побочных эффектов цифровизации социума. Пока в России идет ак-

тивный процесс цифровизации обучения и перевода в цифровой формат учебников, в Канаде, ряде европейских стран благодаря усилиям социологов, своевременно выявивших ущербные тенденции цифровизации для мышления и психики подрастающего поколения, начался обратный процесс перехода на бумажные носители учебной информации. Кто прав – время покажет. Но очевидно, что российским социологам следует обратить внимание на *амбивалентность цифровизации*, негативные побочные эффекты этих процессов, в связи с чем преподавание курса цифровой социологии введено в процесс подготовки социологов в МГИМО-Университете. 4. Практики *рискофилии* (в частности, массовые увлечения фото в экстремальных ситуациях, уносящие жизни многих молодых людей) и *рискофобии* усложняются (Кравченко, 2017. С. 3–13). Пока вряд ли эти тенденции изучаются должным образом. 5. Существенно усложнились *уязвимости формирующихся социотехноприродных реалий* (Кравченко, 2016). Их нельзя недооценивать, к управлению ими необходимо готовить и специалистов, и общественность. 6. Россиянам и жителям планеты в целом нужна *гуманистическая биополитика* (Кравченко, 2014. С. 139–152). Сделаны первые попытки её обоснования (Социология питания ... , 2017). Исследования в этом направлении должны быть продолжены. 7. Наконец, эффекты «стрелы времени» по-новому ставят проблемы *доверия к научному знанию* (особыми препятствиями являются плюрализация знания, растущий объем научной терминологии, массовое возникновение «лженаук» и др.) (Доверие к знанию ... , 2018). Для их решения необходимы не только усилия теоретического, но и практического толка. Ежегодно в силу формирования новых сложностей для их анализа создаются сотни новых терминов, «переоткрываются» смыслы старых концепций и категорий. Одним из решений этой проблемы нами видится издание ежегодника – Словаря новейшей социологической лексики.

Итак, можно констатировать, что эффекты «стрелы времени» как сопутствуют производству социологических инноваций, так и создают вызовы социологическому знанию. Полагаем, за 60 лет функционирования Российского общества социологов и 50 лет работы Института социологии РАН сформировалась новая плеяда творчески мыслящих ученых-социологов, способных дать адекватные ответы на *перманентно* возникающие вызовы, что станет нашим вкладом в развитие мировой социологической мысли.

Литература

Араб-оглы Э.А. В лабиринте пророчеств: социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Молодая гвардия, 1973.

Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1984.

Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: Кнорус, 2016.

Гвишиани Д.М. Организация и управление. М.: Наука, 1972.

Голенкова З.Т., Нарбут Н.П. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы: учеб. пособие. М.: РУДН, 2003.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. Т. 1.

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации / под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.

Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М.: Наука, 1977.

Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999.

Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности / под ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.

Ермоленко Д.В. Социология и проблемы международных отношений. М.: Международные отношения, 1977.

Замошкин Ю.А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность, социологический анализ некоторых тенденций в общественной психологии США. М.: Наука, 1966.

Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986.

Ионин Л.Г. Понимающая социология. М.: Наука, 1979.

Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

Кравченко С.А. Динамика социологического мышления и воображения // Социо-

References

Arab-ogly, Eh.A. (1973). In the maze of prophecies: social prediction and ideological struggle. M.: Molodaya gvardiya.

Bestuzhev-Lada, I.V. (1984). Search social forecasting: perspective problems of society. The experience of systematization. M.: Nauka.

Volkov, Yu.G. (2016). Images of ideology and humanism in modern Russia. M.: Knorus.

Gvishiani, D.M. (1972). Organization and management. M.: Nauka.

Golenkova, Z.T., Narbut, N.P. (2003). The history of sociological thought in Central and Eastern Europe. M.: RUDN.

Gorshkov, M.K. (2016). Russian society as it is (experience of sociological diagnostics). In 2 Vols. M.: Novyj hronograf, 1

Humanistic turn: the imperative of human civilization (2018). In S.A. Kravchenko (Ed.). M.: MGIMO-Universitet.

Davydov, Yu.N. (1977). Criticism of the socio-philosophical views of the Frankfurt School. M.: Nauka.

Dzheri, D., Dzheri, Dzh. (1999). Big explanatory sociological dictionary. M.: VECHE-AST.

Confidence in knowledge in the context of social turbulence: risks, vulnerabilities, security challenges (2018). In S.A. Kravchenko (Ed.). M.: MGIMO-Universitet.

Ermolenko, D.V. (1977). Sociology and problems of international relations. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Zamoshkin, Yu.A. (1966). The crisis of bourgeois individualism and personality, a sociological analysis of some trends in social psychology of the United States. M.: Nauka.

Zdravomyslov, A.G. (1986). Needs. Interests. Values. M.: Politizdat.

Ionin, L.G. (1979). Understanding sociology. M.: Nauka.

Kon, I.S. (1978). Sociology of personality. M.: Politizdat.

Kravchenko, S.A. (2009). Dynamics of sociological thinking and imagination. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8. (in Russian).

логические исследования. 2009. № 8.

Кравченко С.А. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: теоретические и методические новации // Социологические исследования. 2008. № 2.

Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10.

Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. 2015. № 2.

Кравченко С.А. Новые риски еды: необходимость гуманистической биополитики // Полис. 2014. № 5.

Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто» // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3.

Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5.

Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 3–13.

Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016.

Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2011. № 1.

Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1.

Кравченко С.А., Перова А.Е. «Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2017. Т. 17, № 4.

Латин Н.И. Молодой Маркс. М.: Политиздат, 1986.

Левада Ю.А. Лекции по социологии. М., 1969.

«Нормальная аномия» в России и со-

Kravchenko, S.A. (2008). Bridges connecting all sorts of splits of sociology for the sake of a more equal world. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2017). Metamorphosis: Essence, Complicating Types, Place in Sociological Knowledge. *Sociologicheskie issledovaniya*, 10. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2015). Bridges connecting all sorts of splits of sociology for the sake of a more equal world. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2014). New food risks: the need for a humanistic biopolitics. *Polis*, 5. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2015). “Normal anomie”: the production of “nothing”. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 3. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2014). Rediscovery of social reality as an indicator of the validity of sociological knowledge. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2017). The coexistence of riscophobia and risophilia is a manifestation of “normal anomie”. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 3-13. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2016). Sociological diagnosis of risks, vulnerabilities, trust. М.: MGIMO-Universitet.

Kravchenko, S.A. (2011). Sociology in the movement to the interaction of theoretical and methodological approaches. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2014). The Arrow of Time: Modern Challenges to Sociological Knowledge. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 1. (in Russian).

Kravchenko, S.A., Perova, A.E. (2017). “New catastrophism” and the future: the demand for non-linear knowledge. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Sociologiya*, 17 (4). (in Russian).

Lapin, N.I. (1986). Young Marx. М.: Politizdat.

Levada, Yu.A. (1969). Lectures on sociology. М.

“Normal anomie” in Russia and the modern world (2017). In S.A. Kravchenko

- временном мире / под ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017.
- Осипов Г.В.* Современная буржуазная социология: критический очерк. М.: Наука, 1964.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Словарь новейшей социологической лексики (с английскими эквивалентами) / под ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Современная западная социология: словарь / под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Политиздат, 1990.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000.
- Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. Г.В. Осипов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
- Социология питания: традиции и трансформации / под ред. С.А. Кравченко, Н.Н. Зарубиной. М.: МГИМО-Университет, 2017.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т.* Социология труда. М.: Юнити-Дана, 2008.
- Тощенко Ж.Т.* Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.
- Францов Г.П.* Исторические пути социальной мысли. М.: Мысль, 1969.
- Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1976.
- Яницкий О.Н.* Глобализация. Город. Человек. М.: ФНИСЦ, 2018.
- Beck, U.* Beyond Class and Nation // *British Journal of Sociology*. 2007. Vol. 58, № 4.
- Beck U.* The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Braidotti R.* The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2015.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. 2nd edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Crane D.* Social Structure in a Group of (Ed.). М.: МГИМО-Университет.
- Osipov, G.V.* (1964). Modern Bourgeois Sociology: Critical Essay. М.: Nauka.
- Prigozhin, I., Stengers, I.* (2000). Order from chaos. A new dialogue between man and nature. М.: Ehditorial URSS.
- Dictionary of the latest sociological vocabulary (with English equivalents) (2018). In S.A. Kravchenko (Ed.). М.: МГИМО-Университет.
- Modern Western Sociology (1990). Dictionary. In Yu.N. Davydov (Ed.). М.: Politizdat.
- Sorokin, P.A.* (2000). Social and Cultural Dynamics: A Study of Changes in the Great Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relations. SPb.: ZKH-GI.
- Sociological encyclopedic dictionary in Russian, English, German, French and Czech. In G.V. Osipov (Ed.). М.: NORMA-INFRA-M, 1998.
- Sociology of nutrition: traditions and transformations (2017). In S.A. Kravchenko, N.N. Zarubina (Eds.). М.: МГИМО-Университет.
- Toshchenko, Zh.T.* (2018). Prekariat: from protoclass to new class. М.: Nauka.
- Toshchenko, Zh.T.* (2008). Sociology of labor. М.: Yuniti-Dana.
- Toshchenko, Zh.T.* (2005). Sociology of labor: experience of new reading. М.: Mysl'.
- Francov, G.P.* (1969). Historical ways of social thought. М.: Mysl'.
- Yadov, V.A.* (1976). On the dispositional regulation of social behavior. In *Metodologicheskie problem social'noj psihologii*. М.: Nauka.
- Yanickij, O.N.* (2018). Globalization. City. Person. М.: FNISC.
- Beck, U.* (2007). Beyond Class and Nation. *British Journal of Sociology*, 58 (4).
- Beck, U.* (2016). The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press.
- Braidotti, R.* (2015). The Posthuman. Cambridge: Polity Press.
- Castells, M.* (2010). The Rise of the Network Society. 2nd edition. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Crane, D.* (1969). Social Structure in a Group of Scientists: A Test of the "Invisible

Scientists: A Test of the “Invisible College” Hypothesis // *American Sociological Review*. 1969. № 34.

Messages to the World // XVIII ISA World Congress of Sociology, Yokohama, Japan, July, 2014. Japan Consortium for Sociological Societies.

Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2017.

Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press, 2011.

Ritzer G. *Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2001.

Tiryakian E.A. *Updating Sorokin. Introduction to the Transaction Edition* / E.A. Tiryakian (Ed.). New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2013.

Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.

Vanderburg W.H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press, 2016.

College” Hypothesis. *American Sociological Review*, 34.

Messages to the World. XVIII ISA World Congress of Sociology, Yokohama, Japan, July, 2014. Japan Consortium for Sociological Societies.

Mosco, V. (2017). *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited.

Perrow, Ch. (2011). *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press.

Ritzer, G. (2001). *Explorations in Social Theory. From Metatheorizing to Rationalization*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications.

Tiryakian, E.A. (2013). *Updating Sorokin. Introduction to the Transaction Edition*. In E.A. Tiryakian (Ed.). New Brunswick and London: Transaction Publishers.

Urry, J. (2003). *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.

Vanderburg, W.H. (2016). *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press.

Поступила в редакцию

13 декабря 2018 г.